

The collection of novellas *Decameron* by Giovanni Boccaccio

Zh. T. Koblanov¹, B. A. Karymsakova¹

Yessenov University, Aktau, 130000, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the importance of the collection of novellas Decameron by Giovanni Boccaccio in Italian literature. Italian literature of the Renaissance is considered on the example of the novellas of Giovanni Boccaccio. Boccaccio's development of the novella genre, which at that time was thought not to "deserve attention", the clarity of the collection's realistic and democratic orientation are analyzed using specific examples. By specifying the ideological orientation of Decameron novellas, the skill of the writer in portraying the characters, features characteristic of the literature of that period, an attempt is made to evaluate Boccaccio's critical attitude to the religious-ascetic policy that denies the writer's inherent qualities, hinders the spirit of populism and realistic development in the novellas, the policy hostile to the dignity of nature and person that does not recognize real life. The article also examines the influence of Boccaccio's collection on later literature.

Key words: novella, Christian church, character, folklore, realistic character, romantic spirit

Received: 03.02.2022

ГРНТИ 17.09.91

Л.Е. Токатова¹, З.С. Мерц²

¹Павлодарский педагогический университет, Павлодар, 140002, Республика Казахстан

²Дома-музей Павла Васильева, г. Павлодар, 140002, Республика Казахстан

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПЕЙЗАЖА АБАЯ И ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА: СВЯЗИ И ПАРАЛЛЕЛИ

Статья посвящена актуальной проблеме функциональности пейзажа. Исходным является традиционное представление о пейзаже как структурно-содержательном компоненте художественного произведения и способе выражения автора и героя. Природа в восприятии Абая и П.Васильева - одна из важнейших поэтических сторон действительности. Она всегда изображена в поэтическом контексте. В статье обращается внимание на самые главные функции пейзажа в лирике Абая и Павла Васильева – мировоззренческую, философскую, психологическую, портретно-описательную, эмотивную. Так, мировоззренческая функция пейзажа у Абая осложняется морально-философским либо этическим смыслом, который всегда усиливает поэтическую программу поэта. У П. Васильева природа представлена в философском обрамлении, служит критерием ценности и оценки человека, действительности, определителем их сущности. Также проводится мысль о том, что в пейзажах проявляется мировосприятие художника, создающего картины природы, главным образом для того, чтобы сказать свое слово о жизни: природа является своеобразным героем произведения, героем «от автора», а у каждого из авторов свой взгляд на жизнь. В выводе статьи приводится краткая характеристика полифункциональности пейзажей Абая и П. Васильева.

Ключевые слова: пейзаж, функциональность пейзажа, пейзаж Абая, пейзаж Павла Васильева, национальный колорит, казахская поэзия, времена года, природа.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья продолжает исследования функциональности пейзажа. Степень изученности обозначенной проблемы повлияла на выбор конкретного материала и аспекта исследования. Абая Кунанбаева, создавшего лирические произведения огромной социальной и художественной значимости, и Павла Васильева, воспевшего родную землю высоким слогом поэтического гения, взрастила и подарила миру Великая казахская степь – Родительница для обоих поэтов. Они внесли в литературу мощный пласт самобытного мироощущения степняков, и в обращении к теме родной земли выявляется редкостное созвучие их поэзии. В творчестве Абая, который пришел в литературу уже в зрелом возрасте, воплотились духовные силы народа, его свободолюбие, мудрость и патриотизм. Генезисом великого казахского поэта, по определению М.О. Ауэзова, является устное народное творчество, восточная поэзия и русская литература, а через нее - литература европейская [1, 14-15].

Аспект обозначенной темы исследования подразумевает анализ лирических текстов, которые создают поэтический образ природы как предмет размышления (мировоззренческая и морально-философская функции), как образ конкретного явления (портретно-описательная функция), как индивидуальные способы восприятия (психологическая и эмотивная функции).

Методология работы построена на изучении связей и параллелей художественных текстов Абая и Павла Васильева в аспекте обозначенной темы. Проблема ценностного феномена Абая в истории литературы рассмотрена и представлена рядом исследований (Исмаилов Е. «Об особенностях поэтики Абая»; Ауэзов М. «Традиции русского реализма и казахская литература», «Жизнь и творчество Абая Кунанбаева»; Чумбалова Г. «Песни Абая»; Бейсембиев К. «Мировоззрение Абая Кунанбаева»; Сильченко М.С. «Творческая биография Абая»; Тажибаев Т. «Философские, психологические и педагогические взгляды Абая Кунанбаева»; Ахметов З. «Поэтический мир Абая»; Срымбетов С. «Казахский просветитель - Абай Кунанбаев»; Дернова В. «Письмо Татьяны Абая Кунанбаева»; Анастасьев Н. «Абай. Тяжесть полета» и др.).

Вопросами переводческой деятельности и проблемами перевода Абая занимались Н. Полибина («Переводы Лермонтова Абаем»), Б. Габдуллин («За полноценный перевод произведений Абая»), Камбарбаева Г.М. («Стихи Абая в переводе на русский язык»), Бельгер Г. («Ода переводу»), С.В. Ананьева («Современные переводы поэзии Абая как аспект «cultural studies»»), С.Ш. Тахан («Стихи Абая на русском языке: импровизация и подстрочник в их отношении к индивидуально-поэтическому речестрою (На материале переводческой практики Г.Бельгера)»). Б. Габдуллин отмечал: «В деле ознакомления русского читателя с творчеством Абая большая заслуга принадлежит писателю Л. Соболеву, который явился инициатором издания произведений поэта на русском языке, уделил много внимания организационной стороне дела и редактировал почти все издания, а также переводчиком Абая Вс. Рождественному, А. Глобе и другим. <...> К сожалению, несмотря на то, что произведения Абая на русском языке издавались не однажды и каждый раз при этом вносились коррективы, а иногда заново переводились те или иные его творения, мы до сего времени не имеем полноценного, доброкачественного перевода произведений поэта. Некоторые переводы произведений Абая не воспроизводят богатства его мыслей. У переводчиков нет единого принципа, каждый из них по своему вкусу и разумению трактует поэта. Одни переводы близки к оригиналу, но в художественном отношении слабы, другие далеко отходят от оригинала и в них Абаю приписываются мысли переводчика. Часто в переводах встречаются искажения, тенденция приукрасить Абая, пропуски отдельных строк, предложений, допускаются вольности. В результате всего этого иногда теряется абаевский колорит, мысли поэта искажаются, а подчас становятся прямо противоположными тому, что говорится у Абая [2, 61-62].

Проблема взаимосвязи, взаимодействия литератур всегда были в центре литературоведения. В этой сфере известны труды М. Ауэзова, З.Ахметова, М. Каратаева, М. Фетисова, К.Ш. Кереевой-Канафиевой, С. Талжанова и др.

Боязнь быть неубедительными и стремление избегать ложных теоретических позиций требует специальной оговорки. Проблема перевода, которая не была целью настоящего исследования, но так или иначе незримо присутствовала на «заднем плане» самого исследования, решалась стилистическим единством произведения. Авторы статьи, не рассматривая переводческие стратегии и критические обзоры, остановились только на работе Е.Г. Эткинда «Поэзия и перевод» [3]. Выделяя два закона перевода - закон сочетаемости слов и закон стилистического отбора, Е.Г. Эткинд считал, что «нарушение этих языковых законов ведет к неминуемой гибели художественного, поэтического произведения» [3, 112]. Следующим важным звеном в решении проблемы перевода в настоящем исследовании стало мнение ученого о субъективности перевода: «Субъективность - закон переводческого искусства в такой же степени, как и всякого другого вида художественного творчества. <... > Субъективная «примесь» в поэтическом переводе - это не следствие злой воли переводчика, захотевшего навязать себя читателю, а фатальная неизбежность. Абсолютного перевода поэзии не было и быть не может, как не было и нет объективного искусства [3, 112-113].

Итак, выбранные переводы Абая стали предметом специального исследования, исходя из того, что в них с наибольшей художественной силой выражены особенности стиля поэта. Переводы, осуществленные А. Гатовым, А. Жовтисом, Вс. Рождественским, Л. Озеровым, П. Шубиным, А. Глоба, С. Ботвинником, С. Липкиным, считаются удачными переводами, позволяющими провести анализ. В данном случае нашим оправданием может послужить лишь то, что нами предлагается одна из первых попыток более или менее целостной критико-теоретической характеристики функциональности пейзажа Абая и Павла Васильева. Надеемся, что наша попытка окажется внятной для научного сообщества.

И Абай, и Павел Васильев, несомненно, многими нитями своего мировоззрения и поэтического творчества связаны друг с другом, со своим временем, со своим народом, со «всей правдой» жизни. Вот почему их творчество - это фиксация отдельных явлений, отдельных переживаний человека, отдельных драматических моментов. И в этом они проявили высочайшее мастерство, которое чрезвычайно интересно для современной филологии. Так, при осмыслении наследия Абая в настоящее время активно рассматриваются следующие исследовательские проблемы: Абай в истории казахской философии и общественной мысли, Абай и мировая литература, Абай в литературе и медиалингвистике Казахстана [4]; в свою очередь, исследование творчества П. Васильева связывают с вопросами репрезентации транскультурной эстетики [5], роли наблюдателя в корреляции с формами авторского сознания поэтического нарратива [6], наконец, художественного представления жизненного и творческого пути поэта [7].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

«В познании и оценке истинной красоты природы Абай всегда был последователен. Он замечал красоту окружающего мира, не ставя существование красоты в зависимость от божественных чудес и капризов человеческого вкуса. Прекрасное в природе Абай понимал как объективную реальность, существующую вне нашего сознания, вне воли так называемых небесных святых. Красота природы, по его мнению, вызывает определенные эмоциональные чувства у людей, облагораживая их, смягчая и наполняя душу волнением, радостью или тревогой и печалью. Абай не отделяет человека, как и животный мир, от природы. Красота природы в стихах поэта как бы олицетворяет собой различные состояния внутреннего мира субъекта, являясь как бы барометром чувств и мыслей автора о происходящем в окружающей действительности», - отмечает А. Калмырзаев [8, 67].

Цикл стихотворений Абая о временах года принадлежит к числу наиболее проникновенных созданий его гения. Впервые в казахской литературе степь предстает во

всем своим великолепием и разнообразием. Но в то же время — это не просто пейзажные зарисовки, выполненные кистью мастера, это стихи о жизни народа, который живет в этой степи, о жизни, полной бедствий, противоречий и контрастов.

Павел Васильев замысел своей поэмы «Времена года» из двенадцати глав с названиями по месяцам так и не осуществил. Он успел написать только о лете в главах «Июнь», которую посвятил С. Клычкову, и «Август». «Эти поэмы, пожалуй, самые оптимистические из всех лирических произведений поэта, открывают еще одну грань дарования Васильева — способность глубокого лирического проникновения в действительность», — считает Т. Мадзигон [9, с. 400-401]. Конечно, поэма и не могла быть иной, ведь ее идея возникла в июне 1932 года, после счастливого освобождения из-под ареста. И начал свою будущую поэму П. Васильев именно с этих глав, думается, не случайно. Образ роскошного, знойного лета близок ему и характерен для его творчества и встречается во многих произведениях. В мире поэзии П. Васильева «прячется камышовое лето возле реки в больших шалашах», «на сеновале — травяное лето, заплывшее жарою», оно «жарче и красней лисиц», его «мы пьем из круглых чашек», и в Иртыше «оставив целым меду полковша, / Роскошествуя, лето потонуло». Лето вместе с ветром, еще одним излюбленным образом П. Васильева, «шалым» вначале, а затем кротким и ласковым, выступает в роли нянюшки в стихотворении «Егорушке Клычкову», созданном в жанре колыбельной. Здесь используется типичный для колыбельной песни прием олицетворения. Только в народных песнях в качестве нянек привлекаются зоологические и мифологические образы, а у Васильева — характерные для литературной колыбельной песни времена года и явления природы:

Лето нянчило тебя
На руках задумчивых,
Ветер шалый, зной губя,
Пеленал, закручивал [10, 257].

Поэма «Лето» П.Васильева имеет интересную интерпретацию. Не имея «стихов с названием «Родина», — как отмечает Н.П. Васильева, — Родину свою любил и учил нас ненавязчиво в своих стихах любить ее... Шумели Обь, Иртыш и Волга... Вот так выстраивает он реки. А июнь везут с юга хохлы, привечают уральцы, и, наконец, «татарин на ярмарке под Куяндой». Невольно ощущаешь себя гражданином большой страны... Это ли не воспитание патриотизма...» [11, 53].

Раскрытие поэтических сторон изображаемой действительности у Абая и П.Васильева стилистически выражается в эмоциональных описаниях народной жизни, народного труда, народного творчества, красоты человеческих чувств и, конечно, пейзажа. Эмоциональные описания природы раскрывают, в основном своем содержании, поэтические стороны действительности, которые, в свою очередь, противопоставлены отрицательным явлениям жизни.

Природа в восприятии поэтов Абая и П.Васильева — одна из важнейших поэтических сторон действительности. Во всем их наследии нет ни одного произведения, где природа изображалась бы вне поэтического контекста.

Абая, зачинателю пейзажной лирики в казахской поэзии, присущи «умение выделить самое характерное в природе и в быту людей, удивительная наблюдательность, точность видения и ясность восприятия мира» [12, 26]. И Павел Васильев умело создает чарующие, проникнутые глубоким чувством описания природы, обстоятельные и точные, передающие картину во всех подробностях, с исчерпывающей полнотой. Описательность, сюжетность, тяготение к психологизму и осмыслению своего взгляда на мир, его очевидность — стилистические характеристики, свойственные эпосу, находят различное воплощение у поэтов. У Абая восприятие природы и взгляд на своеобразный бытовой уклад кочевников связаны и изображены в одном поэтическом настроении. Мотивы природы у него транслируют либо народную печаль, либо народную радость. У Васильева поэтическое настроение не одно: естественные и неестественные цвета, звуки, запахи — вспомогательные элементы

совершенно разных настроений - создают главное поэтическое настроение, которое связано только с его носителем.

Тучи мрачно окутали весь небосвод - Это осень в дождях и туманах ползет, И застывшую землю, от стужи дрожа, Кобылица напрасно копытом скребет. Нет уж больше травы на просторе степей, Смеха больше не слышно и гама детей, А деревья, иссохшие, как старики, Тянут к небу безлистые руки ветвей. <...> Журавли в теплый край вереницей летят, Голодают верблюды и грустно глядят, Приуныли аулы - куда ни пойдешь, Не услышишь веселого смеха ребят. Старики над остывшей поникли золой, Молча слушают ветер, холодный и злой, Рыщут по степи, ищут в норах мышей - Дома косточки им не дадут ни одной. Перевод А.Гатова [13, 23]	Замело станицу снегом - белым- бело. Путался протяжливый волчий волок, И ворон откуда-то нанесло, Неприютливых да невеселых. Так они и осыпались у крыльца, Сидят, раскорячившись, у хозяина просят: «Вынеси нам обутки, Дай нам мясца, винца... Оскудела сытая В зобах у нас осень». [10, 210] Или: Проходи по хрустящим дорожкам, Пей печальнейший сладостный воздух поры Расставания с летом. Как вынет трава - Ряд за рядом! Молчи и ступай осторожно, Бойся тронуть плакучую медь тишины. Сколько мертвого света и теплых дыханий живет В этом сборище листьев и прелых рогатин! [10, 248]

Пейзаж Абая эпичен, он практически всегда функционален: направлен на более глубокое понимание окружающего мира и себя, фиксирован на сложных запросах своей души и своего народа. Благодаря приему пейзажной параллели несоответствия состояния природы и чувств человека рождает глубокое чувство разочарованности и пессимизма, констатирует бессмысленность и обреченность человеческих порывов. Окружающий мир не понимается им пейзажно. Степной пейзаж у поэта наполнен морально-философским либо этическим смыслом. У Васильева с природой сложены определенные отношения. Сложные или простые, но они наполнены глубоким философским содержанием. Природа у поэта представлена в философском обрамлении, служит критерием ценности и оценки человека, действительности, определителем их сущности.

Летом, когда тенисты деревья, И буйно цветут цветы на лугах, И на широких речных берегах Шумно раскидываются кочевья, Так высока в степи трава, Что спины коней видны едва. Вволю насытившись, кобылицы Не в силах, кажется, пошевелиться: Тихо стоят они у реки, Хвостами мух отгоняя лениво. Лишь весело скачут, резвы на диво Жеребята и стригунки. Гусей и уток крикливые стаи То опускаются, то взлетают...	Стал странен под раскрытым небом Деревьев пригнутый разбег, И все равно как будто не был, И если был - под этим небом С землей сравнялся человек [6, 255] Или: У этих цветов Был неслышанный запах, Они на губах Оставляли следы, Цветы эти, верно, Стояли на лапах

<...> А мальчик, посланный батраками, Вертится рядом, лапясь к маме, Просит: «Мяса им тоже дай!» <...> Старец дряхлый в белой рубашке Кричит чабанам: «Отгоните скот!» Мечтает бедняга, что бай позовет И угостит кумысом и барашком. Табунщики на лошадях лихих, В чапанах, поясом стянутых туго, К аулу спешат, обгоняя друг друга, - Усталыми кажутся лица их. А группа юношей с ловчей птицей На уток охотится и веселится. Если выпущенный из рук Стремительный беркут ввысь взовьется И крупного селезня схватит вдруг... Что было - прошло и уже не вернется К бедняге, дряхлому старику. Он сделал все на своем веку И, празднично стоя на берегу, В угоду юношам громко смеется. Пер. А.Жовтиса [13, 15-17]	У черной, Наполненной страхом воды. [10, 274]

Природа у Абая поэтически олицетворена. Так, в стихотворении «Зима» персонификация зимы дана только в одном образе - образе старого деда, который далек от фольклорного образа, в нем больше человеческого, чем сказочного и волшебного. Это природная стихия, жестокая и величественная, беспощадная и могущественная, чуждая простому кочевнику. Абая не до созерцания снежной сказки, ему близка борьба за утверждение жизни человека, высокая гуманистическая цель - внимание и сострадание народу, его выживание в сложных природных условиях. Портретно-описательный пейзаж Абая выполняет роль сюжетной мотивировки. Васильев при описании природы тоже прибегает к олицетворению и к персонификации одного образа, однако время года не связано у поэта с природной стихией. Словно редкий и уважаемый гость, июнь предстает дружественным и близким человеку.

В белой шубе, плечист, весь от снега седой, Слеп и нем, с серебристой большой бородой, Враг всему, в чем есть жизнь, с омраченным челом, Он, скрипучий, идет, занесенный пургой. Старый сват, белый дед натворил много бед. От дыханья его – стужа, снег и буран. Тучу шапкой надвинув на брови себе, Он шагает, кряхтя, разукрашен, румян. Брови грозно нависли – нахмуренный вид; Головою тряхнет – скучный снег повалит. Злится он, словно бешеный старый верблюд,	Возы прошли по гребням пенным Высоких трав, в тених, в пыли, Как будто вместе с первым сеном Июнь в деревни привезли. Он выпрыгнул, рудой, без шубы, С фиалками заместо глаз, И, крепкие оскалив зубы, Прищурившись, смотрел на нас. Его уральцы, словно друга, Сажали в красные углы, Его в вагонах красных с юга Весёлые везли хохлы. Он на перинах спал, как барин, Он мылся ключевой водой,

И тогда шестискладная юрта дрожит. <...> Конь разбить безуспешно пытается лед, И голодный табун еле-еле бредет. Скалит жадную пасть волк, союзник зимы. Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот! Угоняйте на новое место табун. Не поспав, не умрешь. Надо быть посмелей! Все же лучше, чем волк, Кондыбай и Конай. Деду мы не дадим пировать средь степей. Пер. Вс. Рождественского [13, 25]	В ладони бил его татарин На ярмарке под Куяндой... [14, 35]

В этико-философской лирике Абая глубоко личное размышление, а иногда сомнение, о справедливости и истинности жизненного пути переплетается с личной ответственностью каждого, судьба народа перекладывается на судьбу каждого человека («Восьмистишия», пер. Л.Озерова). И этот главный план практически всегда дополняется пейзажным штрихом, который усиливает поэтическую программу поэта – «Велика семья,/ Широка родня, – / Одиноким быть нет причин./ Велика семья,/ Но не понят я,/ И живу средь людей один./ Как могила шамана, я/ Одинок – вот правда моя!» [13, 38]. У П.Васильева природа активно вторгается в строй мышления героев, «конструирует» их внутренний мир. Она сама главный план.

Я с утеса кричал, Мне простор отвечал - Отвечали и горы и дол. Но, услышав звук, Я искал вокруг: Как, откуда тот звук пришел? Был все тот же утес подо мной, - Отклик есть, но отклик пустой. Пер. Л.Озерова [13, 37]	А луна косыми тенями шла, Будто подымалась Сгореть дотла, Сеяла в березах густой мороз. И пену Ишим Нес и нес, И тоску Ишим Нес и нес, И песню-сердит - Ишим Холодил Волной, холодней удил. [14, 139-140]

И разлад человека с природой у Васильева всегда сливается с острыми общественными конфликтами, проясняет социально-исторические коллизии:

Некуда деваться – куда пойдешь?
По бокам пожары – и тут, и там.
Позади – осенний дождь и падеж.
Впереди – снег
С воронами пополам.
Ой-пур-мой...
Тяжело зимой.
Вьюга в дороге
Порежет ноги,
Ударит в брови,
Заставит лечь,
Засыплет снегом
До самых плеч! [14, 72]

Для Васильева природа, вторгаясь в жизнь человека, открывает ему путь к познанию нравственного смысла жизни. Степь и соль в поэме «Соляной бунт» становится символом несправедливого и злого начала, символом большой беды: «Соль страшнее/ Всяких неволь» [14, 78]. При этом природа, по Васильеву, расширяет внутренний духовный горизонт человека и ставит его в непосредственные отношения с субстанциальным содержанием жизни, поэтому несказанно обогащает и делает счастливым, радостным:

«Дождь идет. Недолгий, крупный, ранний –
Благодать! Противиться нет сил!
Вот он вырос, город всех мечтаний,
Вот он встал, ребенок всех восстаний, –
Сердце навсегда мое прельстил! [10, 290]

Или:

Чтобы Иртыш, меж рек иных скиталец,
Смыл тяжкий груз накопленной вины,
Чтоб вместо слез на лица оставались
Лишь яростные брызги от волны! [10, 297]

Сезонно-ландшафтный пейзаж Абая, создавая прежде всего национальный колорит, раскрывая неразрешимые противоречия между самоценностью человека и его вынужденным из-за историко-социальных и природных условий тяжелым существованием, дополняется образом величия природы, дух которой служит отрадой для разочаровавшегося, силой для слабого, милостью для нуждающегося. И обычно такой пейзаж основан на ассоциативной образности.

Как весенней порою шумят тополя!
Ходит ветер, цветочною пылью пыля.
Все живое обласкано солнцем степным,
Словно мать и отец, рада наша земля.
И смеется, и песни поет молодежь,
Да и старых по юртам ищи – не найдешь:
И со смертного ложа могли б их поднять
Песни, солнце, и ветер, и птичий галдеж.
<...>
Сколько птицы! В любом приозерном пруду
Тронь осоку – лебедь пойдет в высоту.
Скачешь – смотришь, как спущенный сокол
ручной
Из-под облака лебеда бьет на лету.
Возвращаешься – девушка крикнет: «Постой,
Покажи, что добыл, молодой, холостой!»

И все девушки лучший надели убор,
И долины в тюльпанах, как пестрый ковер,
В приозерных низинах гремят соловьи,
Им кукушки зарей отзываются с гор.

На верблюдах товары привозит купец,
У хозяев двоятся отары овец:
Тяжек труд у крестьян – пахота и посев,
Но земля им сторицей воздаст под конец.

Благодатною радостью мир напоен,

Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Все, что солнцем зачал в ней отец-небосклон.

Как не верить нам в милость природы творца,
Если в мире весеннем щедрот без конца,
Если тучен наш скот, если вдоволь еды,
Если радостно бьются людские сердца?

Дух весны из тихони творит храбреца,
Стали щедрыми все, кроме злого скупца.
Все дивится ликующей силе земной,
Все живет, кроме черного камня-гольца
<...>

Звезды прочь прогоняет невеста-земля,
Ведь жених ее – солнце, – о встрече моля,
Ждал всю ночь, и свидания час наступил,
И румянец зари покрывает поля.

Пер. П.Шубина [13, 60-62]

Абай обращается к пейзажу для создания определенного настроения, для постановки философской проблемы. Психологическое созвучие состояния лирического героя и окружающей природы, построенное на психологическом параллелизме, сменяется на их психологическое противопоставление. Естественный процесс в природе, размышления о круговороте в ней, естественное обновление, которое приносит радость, усиливает угнетенное подавленное состояние лирического героя и «обновляет» только безвыходную ситуацию. Неспособность человека к обновлению - глубокая философская мысль поэта.

Тучи набегут порой,
Прольются серым дождем.
Набухнет сердце тоской,
Заплачут печали в нем.

Дождь прошел - ярче трава,
Смеется каждый ручей.
От слез - болит голова,
Тоска еще тяжелей.

Пер. А.Глобы [13, 100]

Абаю и Васильеву не свойственен в чистом виде эмоционально-лирический характер пейзажа. У Абая гармоничное взаимодействие стихий - воды, воздуха, земли - создает ночное умиротворение природы. Пейзаж, главный план которого составляет таинство и дремота природы, раскрывает манеру поведения и характер персонажа. Лирический герой выступает лишь созерцателем основного действия. «Чувство природы» у П.Васильева несколько иное: яркая образность и буйство красок являются предвестием грядущих событий. В совершенстве владея многоцветной и многозвучной «кистью» живописца, он рисует великолепные картины родной природы.

На воде, как челнок, луна. Тишина ясна, глубока. Лишь в овраге полночь черна, Да шумит в тишине река.	Ещё не раз туманная луна В глазах зажжётся отблеском зелёным. Ещё не раз, ещё не раз она Пошевелит и высеребрит клёны.

Вверху и внизу глубина. Лунный свет в лепестках цветка. Пробежит по деревьям волна - И затих порыв ветерка. С гор ответит эхо на лай И на окрики пастухов. Крадучись, минуты считай И пугайся своих шагов. Упадет листок невзначай - Тебе уже чудится зов: - Ах, скорее, милый, встречай Здесь, в тени прибрежных кустов. Горя, холодея, дрожа, С немеющим сердцем в груди Ты придешь без слов, не дыша, - Ах, сколько тревог позади! Пер. А. Глобы [13, 27-28]	Желтоволодая завянет голова, Умолкнут нежные, немые разговоры. Я выдумаю тихие слова Про ночь любви и голубые шторы. И это так. Когда-нибудь потом Мне лунный хмель совсем не отоснится, И будет он последним серебром На плечи старые и в душу виться. И вот сейчас готов расслышать я В осенних скрипках звучных и мятежных, Что ты опять, как не было, моя И руки у тебя задумчивы и нежны...[10, 46]

П. Васильев наделяет образы природы чертами, присущими человеку и животному, причем поэтизирует не столько духовную, сколько физическую сторону жизни человека: «горький ветер трясет полынь, И в полоне Долонь у дынь –/ Их оранжевые тела/ Накаляются добела», «И изранено спелое сердце арбуза/ Беспощадным и острым казацким ножом», «...январь, как горностаи, морозен,/ А лето жарче и красней лисиц», «Шла береза льда напиться,/ Гнула белое плечо». В основе создания системы образных средств языка П. Васильева лежит динамика, движение; состояние покоя практически отсутствует. Даже тишина в его произведениях - не остановившееся действие, а безмолвное движение: «Да, тихо так, что даже тень косая/ От коршуна скользящего слышна».

Мысль о родной земле неотделима от морально-философских воззрений Абая. Система представлений, ценностей и идеалов, уходящие своими корнями в историю и воплощающие исторический опыт, находят отражение в лирике поэта. Свое понимание «мысли народной» поэт выражает посредством пейзажа, близкого наивно-этическому представлению казахов. Так, развернутым сравнением образов народа и природы Абай создает иерархию этических ценностей, имеющих значение этического идеала или эталона:

Подобен озеру народ,
Который дружен и счастлив:
Листва колышется вокруг,
И ветра радостен мотив,
Сбегают весело ручьи,
И серебрятся ветви ив;
Там бродят тучные стада,
О зимнем голоде забыв.
Народ, живущий во вражде,
Как заболоченный залив:
Оттуда птица улетит,
И жажды там не утолив;
Скот, не пройдя за перевал,
Падет, воды его испив,
его покинет человек,
На берег гнилостный ступив.

Пер. С. Ботвинника [15, 84]

У П. Васильева образ родной земли тесно связан с исторической памятью. Как истинный сын степи, он тонко ее чувствовал и понимал. Она – живая, может «приподняться на цыпочки и понюхать закат», она населена образами прошлого:

От низовий до гор расстилается гул,
Пляшет ханский бунчук
 над полынями гордо.
Обдирая бурьяны с обветренных скал,
Возле наших костров собираются орды [10, 156].

Степь помнит те времена, когда становилась полем сражений:

Все в ней мерещились:
Гнутый лук,
Тонкие петли арканов, пики,
Шашки
И пальцы скрюченных рук [14, 67].

В лирике П. Васильева отразились и верования языческих народов древности в то, что существуют Баба-Яга и лешие, и что реки и озера населены живыми существами. Такие мифические образы живут и в Иртыше:

И в глубине раскрытые глаза
У плавуна, как звезды, порыжели.
И в погребках песчаных в глубине,
С косой до пят, румяными устами,
У сундуков незапертых на дне
Лежат красавки с щучьими хвостами... [10, 296]

Русалок П. Васильев изображает в виде «красавок». В просторечно-грубом названии воплощена отличительная черта этого образа – красота, ведь народное поверье часто изображает русалок юными красавицами в белом одеянии, с длинными распущенными волосами. Поэт рисует сказочное богатство подводного царства, которым владеют «красавки с щучьими хвостами». Вот только хвостов у славянских русалок не было. Такой образ появился под влиянием западноевропейской культуры и произведений русской литературы первой половины 19 века. Обращаясь к образу русалки, сохраняя верность традиции, П. Васильев по-особому интерпретирует его в своем стихотворении.

Павел Васильев с детства был знаком с бытом казахского народа, в гостеприимном доме Васильевых часто бывали тамыры деда Корнилы, а сам он, наведываясь к ним в аулы, брал с собой внука. Знание казахского языка дало возможность лучше понять жизнь степняков, приобщиться к казахской культуре, постичь суть национального казахского мышления:

На домбре спокойно лежит рука,
Костра задыхается пламя.
Над тихой юртой плывут облака
Пушистыми лебедями.
...По чашкам, урча, бушует кумыс. [10, 147]

Он никогда не терял кровных уз, связывающих его с родной землей и не только не противопоставлял себя степнякам, а утверждал с ними прямое родство:

Хоть волос русый у меня,
Но мы с тобой во многом схожи:
Во весь опор пустив коня,

Схватить земли могу я тоже. [10, 84]

Природа у Абая событийна, она включена в развитие сюжета, всегда связана с бытовым укладом кочевника. И тема охоты как часть темы природы и как элемент культуры кочевника в творчестве Абая также находит воплощение. С точки зрения поэта, существование человека включено в естественное течение жизни природы, поэтому охота – не только промысел, способ жизни народа. Охота – это удовольствие, возможность общения с природой, постижения ее тайн и, возможно, поиск истин. И человек в природе – это охотник за тайным смыслом жизни:

Никакого не делаешь ты вреда,
Если ты приезжаешь на ловлю сюда.
В брэнном мире нет мне занятия милей,
Я готов про охоту слушать всегда.
У кого пронизательный, ясный ум,
Тот, наверно, меня поймет без труда.

Не видна близоруким в степи трава,
Не понять верхогляду мои слова.
Но возникнет картина в душе твоей,
Если в каждое слово вникнешь сперва.
Только истинный ловчий меня поймет,
Тот, в чьем сердце прелесть охоты жива.

Пер. С. Липкина [13, 8].

Выстроенный на ассоциациях, пейзаж, в частности рассматриваемая сцена охоты, создал «лирический шедевр», основанный на традициях фольклора и восточной литературы. Исследователь Костюхин Е. отмечает: «Картина схватки между ними (лисой и беркутом – Л.Т., З.М.) вызывает у поэта ряд ассоциаций. Так, сражение беркута и лисицы подобно богатырскому поединку (фольклорно-эпическое сознание). <...> Схватка птицы со зверем ожесточенна и стремительна, Мелькают в глазах яркие краски: Бьются насмерть... А снег ослепительно бел,/ Черен беркут, лисица красна... Это цветовое сочетание белого, черного, красного влечет за собой другую ассоциацию, сопричастную первой и контрастную ей по содержанию: Эта битва с купаньем девы сходна,/ В час, когда на локтях поднимает она/ Две косы смоляные, входя в ручей,/ Молодая, нагая, легка, нежна,/ С белоснежным телом, румяна лицом. <...> Но этим поток ассоциаций не исчерпан. Финал схватки, когда беркут уверенным движением подмял лисицу под себя, снова рождает у поэта ассоциацию: рисуется картина первой брачной ночи. Так сценка национальной казахской охоты с беркутом выступает в окружении разнообразных аналогий: и собственно бытовых, и фольклорных, и литературных, причем аналогии эти не дробны, они слиты воедино» [16, 88]. Заметим, что сравнение битвы с купанием девы отсылает нас к восточной классике. М.С. Сильченко указывал, что это вольное повторение картины купания Ширин из поэмы Низами «Хосров и Ширин» [17, 72].

У П. Васильева тоже есть стихотворение, посвященное охоте с беркутами, оно вошло в цикл «Песни киргиз-казаков» и увидело свет в 1932 г. в одноименном сборнике молодых сибирских поэтов. Стихи из этого цикла, написанные в стиле произведений акына-импровизатора, автор выдал за переводы с казахского языка. «Степная земля – бесконечна как время», – писал в XV в. Казтуган-жырау. И жизнь человека – лишь мгновение в необозримом жизненном пространстве степи. Картина необъятной степной земли, возникающая с первых строк стихотворения, передается через образы ветра и скачущего коня, наиболее характерных для П. Васильева символов движения:

Ветер скачет по стране, и пыль
Вылетает из-под копыт.

Ветер скачет по степи, и никому
За быстроногим не уследить.
Но, как шибко он ни скакал бы,
Все равно ему ни за что
Степь до края не перескакать,
Всю пустыню не пересечь [10, 347].

Так создается образ бескрайности, величия и непостижимости степи, необъятность которой не может постичь даже быстроногий ветер. И у П. Васильева солнце своим сиянием должно благословить охотников:

Солнце ж множество множеств дней
Каждый день неизменно тонет,
Для того чтоб опять подняться
И сиять над нашею степью,
И сиять над каждой юртой
И над всем существующим сразу,
И сиять над нашей охотой!

Охотники начинают охоту заклинанием – молитвой об удаче, в которой, как во всяком заклинании, повторяются ключевые слова:

Пусть сопутствуют нашей охоте
Ветер и удача совместно
Пусть сопутствуют нашему промыслу
Еще раз удача и ветер,
Пусть помогут нашей погоне
Ветер, дующий на нас, и удача! [10, 348]

Охота у П. Васильева пронизана азартом, а образ скачки объединяет все:

Мы забыли, где Каркаралы,
Мы забыли, где наш аул,
Мы забыли, где Павлодар.
Не четыре конца у степи, а восемь,
И не восемь, а сорок восемь,
И не столько, во много больше...
И проносимся все мы сразу –
Ветер, птицы, удача, всадники –
По курганам за рыжим пламенем [10, 349].

ВЫВОДЫ

Пейзаж Абая и П. Васильева полифункционален: в лирике двух поэтов обозначены мировоззренческая, морально-философская, психологическая, портретно-описательная и эмотивная функции пейзажа. Мировоззренческая функция пейзажа у Абая и П. Васильева, безусловно, первостепенная. У Абая пейзаж ориентирован на более глубокое понимание окружающего мира и себя, фиксирован на сложных запросах своей души и своего народа. Глубокое чувство разочарованности и пессимизма констатируют бессмысленность и обреченность человеческих порывов. Мировоззренческая функция пейзажа осложняется морально-философским либо этическим смыслом, который всегда усиливает поэтическую программу поэта. Создавая национальный колорит, раскрывая противоречия между человеком и его тяжелыми условиями существования, Абай считает величие природы отрадой для разочаровавшегося, силой для слабого, милостью для нуждающегося. В фокусе морально-философских воззрений Абая лежит «мысль народная»: Абай создает иерархию

этических ценностей, созвучную наивно-этическому представлению казахов. У П. Васильева природа представлена в философском обрамлении, служит критерием ценности и оценки человека, действительности, определителем их сущности. Разлад человека с природой у Васильева сливается с острыми общественными конфликтами, проясняет социально-исторические коллизии. Природа открывает человеку путь к познанию нравственного смысла жизни, расширяет внутренний духовный горизонт человека и ставит его в непосредственные отношения с субстанциальным содержанием жизни, поэтому несказанно обогащает и делает человека счастливым, радостным. У П. Васильева образ родной земли тесно связан с исторической памятью. Психологическая функция пейзажа имеет свои особенности у Абая: психологическое созвучие состояния лирического героя и окружающей природы, построенное на психологическом параллелизме, сменяется на их психологическое противопоставление. К тому же пейзаж раскрывает манеру поведения и характер персонажа. П. Васильев поэтизирует физическую сторону жизни человека. Портретно-описательный пейзаж Абая имеет высокую гуманистическую цель - внимание и сострадание народу, его выживание в сложных природных условиях. Эмотивная функция пейзажа в лирике поэтов определена настроением: у Абая мотивы природы транслируют одно настроение, у П. Васильева главное поэтическое настроение создается оттенками чувств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Ауэзов М.О. Великий поэт казахского народа / М.О. Ауэзов // М. О. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Избранное – Алма-Ата : КГИХЛ, 1958. – С. 5-27.
- 2 Габдуллин Б. За полноценный перевод произведений Абая / Б.Габдуллин // Коммунист Казахстана, 1955. - № 1. – С. 61-62.
- 3 Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод / Е. Г. Эткинд. – М.-Л. : Советский писатель, 1963. – 432 с.
- 4 Современники и наследники Абая: материалы Международной научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения поэта (5 ноября 2020 г.). – Нур-Султан: Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 2021. – 170 с.
- 5 Темиргазина З.К. Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов // Полилингвистичность и транскультурные практики / З.К. Темиргазина. - 2021. - Т. 18. - №1. - С. 29-43.
- 6 Темиргазина З.К., Ибраева Ж.Б. Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений Павла Васильева) / З.К. Темиргазина, Ж.Б. Ибраева // Вестник Томского государственного университета. Филология. - 2021. - № 72. - С. 290-307.
- 7 Васильева Н.П. Крестьянские заступники. Из авторского цикла книг о выдающемся русском поэте Павле Васильеве / Н.П. Васильева. - М.: АНО «Редакция альманаха «Академия поэзии». - 2021. - 72 с.
- 8 Калмырзаев А. Собрание сочинений: в 3 т. Т.1. Национальное сознание и нация / А. Калмырзаев. – Алматы: Қазығұрт баспасы, 2012. – 576 с.
- 9 Мадзигон Т. Контур жизни. Стихотворения. Переводы. Статьи и исследования / сост. С. Шубин, В. Савельева. / Т. Мадзигон. – Алматы: Жазушы, 2017. – 560 с.
- 10 Васильев П. Собрание сочинений. В 2 т. Т.1. Стихотворения / сост. Л.С. Кашина, З.С. Мерц./ П. Васильев. – Алматы, 2009. – 444 с.
- 11 Васильева Н.П. Маленькие истории больших стихотворений / Н. П. Васильева. – М. : АНО «Редакция альманаха «Академия поэзии», 2018. – 160 с.
- 12 Камбарбаева Г. Абай Кунанбаев // Г. Камбарбаева. Абай. Стихотворения и поэты. – Л. : ЛО изд-ва Советский писатель, 1966. – С. 5–44.
- 13 Кунанбаев А. (1845-1904). Избранные стихи / пер. с каз. сост. А.Л. Жовтис./ Абай Кунанбаев. – Алма-Ата: Жазушы, 1985. – 168 с.
- 14 Васильев П. Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2. Поэмы. Проза. Письма / сост. Л.С. Кашина, З.С. Мерц./ П. Васильев. – Алматы: Таугуль-Принт, 2009. – 498 с.

15 Абай: Стихи. Переводы русских поэтов / сост. Л. Степанова, Г. Бельгер. / Абай. – Алматы: Ғылым, 1995. – 207 с.

16 Костюхин Е. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции / Е. Костюхин. – М. : Наука, 1972. – 189 с.

17 Сильченко М.С. Творческая биография Абая: автореферат дис. ... д.филол.н.: 10.01.08 / М. С. Сильченко. - Алма-Ата, 1957. - 32 с.

Материал поступил в редакцию журнала 13.02.2022

REFERENCES

1 Auezov, M.O. (1958) *Abay Kunanbaev. Izbrannoe* [Abay Kunanbaev. Selected works]. Alma-Ata: KGIKHL, pp. 5–27.

2 Gabdullin, B. (1955) *Za polnotsennyu perevod proizvedeniy Abaya* [For a full translation of Abay's works]. *Kommunist Kazakhstana*, 1, pp. 61–62.

3 Etkind, E.G. (1963) *Poeziya i perevod* [Poetry and translation] Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

4 Bryanskaya, A.M. et al. (eds.) (2021) *Sovremenniki i nasledniki Abaya* [Contemporaries and successors of Abay]. Proceedings of the International Conference dedicated to the 175th anniversary of the birth of the poet. Nur-Sultan, Kazakhstan. 5 November 2020. Nur-Sultan: Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University.

5 Temirgazina, Z.K. (2021) Transculturalism and its manifestation in the poetics of lyric texts. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki – Polylinguality and Transcultural Practices*, 18(1), pp. 29–43. (In Russian).

6 Temirgazina, Z.K. and Ibraeva, Zh.B. (2021) An observer in poetic narrative (In the poems of Pavel Vasiliev). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 72, pp. 290–307.

7 Vasil'eva, N.P. (2021) *Krest'yanskie zastupniki. Iz avtorskogo tsikla knig o vydayushchimsya russkom poete Pavle Vasil'evе* [Peasant defenders. From the author's series of books about the outstanding Russian poet Pavel Vasiliev]. Moscow: ANO "Redaktsiya al'manakha "Akademiya poezii".

8 Kalmyrzaev, A. (2012) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 1. Almaty: Қазығұрт баспасы.

9 Madzigon, T. (2017) *Kontur zhizni. Stikhotvoreniya. Perevody. Stat'i i issledovaniya* [The outline of life. Poems. Translations. Articles and research]. Almaty: Zhazushy.

10 Vasil'ev, P. (2009) *Sobranie sochineniy. V 2 t.* [Collected works: in 2 vols]. Vol. 1. Almaty: [s.n.].

11 Vasil'eva, N.P. (2018) *Malen'kie istorii bol'shikh stikhotvoreniy* [Little stories of big poems]. Moscow: ANO "Redaktsiya al'manakha "Akademiya poezii".

12 Kambarbaeva, G. (1966) *Abay. Stikhotvoreniya i poety* [Abay. Poems and poets]. Leningrad: LO izd-va Sovetskiy pisatel', pp. 5–44.

13 Kunanbaev, A. (1985). *Izbrannye stikhi* [Selected poems]. Translated by A.L. Zhovtis. Alma-Ata: Zhazushy.

14 Vasil'ev, P. (2009) *Sobranie sochineniy. V 2 t.* [Collected works: in 2 vols]. Vol. 2. Almaty: Таугұл-Print.

15 Stepanova, L. and Bel'ger, G. (1995) *Abay: Stikhi. Perevody russkikh poetov* [Abay: Poems. Translations by Russian poets]. Almaty: Gylm.

Абай мен П.Васильев шығармаларындағы пейзаж қызметтілігі: дәстүр және жалғастық

Л.Е. Токатова¹, З.С. Мерц²

¹Павлодар педагогикалық университеті, Павлодар қ., 140002, Қазақстан Республикасы

²Павел Васильевтің мұражай-үйі, Павлодар қ., 140002, Қазақстан Республикасы

Мақала пейзаж қызметтілігінің өзекті мәселесіне арналған. Мақаланың негізіне пейзаждың көркем әдеби шығарманың құрылымдық-мазмұндық компоненті екендігі және оның автор мен кейіпкердің сипаттауы туралы дәстүрлі ұғым жатады. Абай мен П.Васильевтің қабылдауындағы табиғат – ақиқат болмыстың маңызды поэтикалық нысаны болып табылады және ол поэтикалық мәнмәтінде ұдайы бейнеленеді. Мақалада Абай мен П.Васильев лирикаларындағы пейзаждың басты қызметтері: дүниетанымдық, философиялық, психологиялық, портреттік-сипаттау және эмотивтік түрлеріне кеңінен назар аударылады. Демек, Абайдағы пейзаждың дүниетанымдық қызметі моральдық-философиялық немесе этикалық мағынамен күрделенеді, бұл ақынның поэтикалық бағдарламасын үнемі күшейтеді. П.Васильевте табиғат философиялық шеңберде ұсынылған, адамның, шындықтың бағасы мен бағасының критерийі, олардың мәнін анықтаушы қызметін атқарады. Сондай-ақ пейзажда табиғат бейнесін қалыптастырушы суреткердің дүниені қабылдауы, яғни, өмір туралы өз сөзін жеткізуі: табиғатты бейнелеу арқылы шығарма кейіпкерінің өзіндік болмысының танылуы, «авторлық» кейіпкердің өмірге деген көзқарасы суреттеледі. Мақала соңында Абай мен П.Васильев пейзаждарының көпқызметтілігінің қысқаша сипаттамасы беріледі.

Кілт сөздер: пейзаж, пейзаж қызметтілігі, Абай пейзажы, Павел Васильев пейзажы, ұлттық өрнек, қазақ поэзиясы, жыл маусымдары, табиғат.

Материал 13.02.2022 баспаға түсті

The functionality of Abay's and Pavel Vasiliev's scenery: Connections and parallels

L. E. Tokatova¹, Z. S. Merz²

¹Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, 140002, Republic of Kazakhstan

²House-Museum of Pavel Vasiliev, Pavlodar, 140002, Republic of Kazakhstan

The article is dedicated to the topical problem of the scenery's functionality. The basic definition is a conventional concept of the scenery as a structural and substantive component of a literary work and a way of expressing an author and a character. Nature, as perceived by Abay and by Vasiliev, is one of the most important aspects of the poetic reality; it is always shown in a poetic context. The article pays attention to the most important functions of the scenery in Abay's and Vasiliev's lyrics: ideological, philosophical, psychological, portrait-descriptive, and emotive. An idea is expressed that the scenery shows the world perception of its author, who creates pictures of nature mainly to say their word regarding life: nature is a specific kind of character in a literary work, a character "from the author", and every author has their own outlook on life. The article concludes with a brief characteristic of polyfunctionality in Abay's and Vasiliev's scenery.

Key words: scenery, functionality of scenery, Abay's scenery, Pavel Vasiliev's scenery, national identity, Kazakh poetry, seasons, nature

Received: 03.02.2022